

Книги вразнос. Что у нас переводят. И как

[280]

ил 9/2020

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

МЭТТ ХЕЙГ *Собственность мистера Кейва* / Перевод с английского Дарьи Ивановской. — М.: Livebook, 2020

Среди книг тоже бывают свои “маленькие люди”. И это, как ни странно, не всегда книги собственно о маленьких людях. Просто такие книги сами по себе — незаметные, незамысловатые, не особенно выразительные существа, и литература, странствующая по миру в поисках новых открытий, не глядя наступая на них, как на поросшие мхом камни, которыми выложена тропинка. Рядом с великими смельчаками, безрассудными новаторами — именитыми, увешанными медалями Памятниками Литературы — они почти незаметны. В этом-то и есть их смысл: в них спрятаны, законсервированы простейшие сюжеты, простейшие размышления и переживания, которые лежат в основе всего остального. Именно поэтому такие книги — предсказуемые, даже банальные, чуть ли не скучные — всегда трогают нас больше, чем мы рассчитываем. Помните, какой эффект произвел в читающем мире серенький, невзрачный роман “Стоунер”!

Нет ничего проще, чем пересказать сюжет истории, придуманной Мэттом Хейгом.

Мистер Кейв теряет жену и сына и принимается сломя голову защищать взростающую дочку от всего на свете — потому что, и в самом деле, буквально что угодно может испортить и даже вовсе уничтожить это нереальное, “эльфийское” существо, до недавнего времени жившее в мире классической музыки, антикварных игрушек и аристократических увлечений вроде верховой езды. Отец хочет знать о дочери все — куда она пошла, с кем и о чем говорила — и не замечает, как начинает сходить с ума. Наш герой с прозрачной фамилией прямо говорит, что сидит в платоновской пещере и пытается разгадать значение теней на стене. Пытаясь описать собственное состояние, рассказчик поднимается до неожиданных, пронзительных высот исповедальности, и в конечном счете невыдуманная тоска его болезненных и путаных раздумий о любви заставляет нас закрыть глаза на то, что роман в целом — очередной унылый шалаш из трех палочек, падающий при первом порыве ветра. Забудьте про пошлое противопоставление антикварного магазина и реального мира, про дешевую напиханность текста всяческими Брамсами, Микеланджело и Китсами, про неумелое месиво из мис-

тики и сумасшествия — лучше наслаждайтесь враками и помутненным сознанием недостоверного рассказчика. В этой наглухо закупоренной книжке нет ни единой щелочки, куда мог бы просочиться свежий воздух объективности. И это, по-моему, очень здорово.

О любви можно рассказать выверенно и замысловато, а можно — на одном выдохе, как будто вдруг помутилось в голове и не осталось сил молчать. Как ни крути, а второму повествователю мы всегда будем верить больше — потому что именно он говорит от нашего имени.

БЕН ЭЛТОН *Кризис самоопределения* / Перевод с английского Шаши Мартыновой. — М.: Фантом-пресс, 2020

Рядом с романом о вечных и отчасти даже избитых вопросах у нас появляется нечто полностью ему противоположное: эдакий 500-страничный памфлет, страшилище, слепленное целиком и полностью из всяких “актуальных проблем”. Слепили его таким специально — чтобы мы со стороны взглянули на современное общество, в котором люди всерьез часами и годами поливают друг друга грязью из-за обуви в форме козлиных ног или феминных суффиксов, и ужаснулись. Общество, где все настолько помешались на собственной уникальности, непонятности и травмированности, в которых, разумеется, кроется тайна всех наших неудач, — бедным романтикам с их дутыми романтическими героями

и не снилось. У нас теперь каждый заделался романтическим героем и, занырнув поглубже в воротник-стойку, ждет, когда его непостижимую инопланетность оценят по достоинству. Но сами подумайте: пока всеми повосхищаешься — до самого конца света придется корячиться. Как видно, Бена Элтона перспектива такого непосильного труда, как и многих, ужаснула, и он попытался изобразить этот мир как можно абсурднее и, самое главное, никого не забыть — ни феминисток, ни патриархалов, ни миллениалов, ни ЛГБТ, ни эко-активистов, ни консерваторов, ни либералов, ни, ни, ни... И некоторые вот критики даже считают, что получилось очень смешно.

Все это намотано на криминальную интригу, но, когда из каждой розетки визжит какая-нибудь “острая тема”, читателю становится не до погружения в сюжет. От бенгальского треска и блеска “острых тем” сначала начинает рябить в глазах, а в конце концов делается невыносимо скучно. Пожалуй, в точности, как это происходит и в реальном мире, предупреждение которому так старался выдать наш стремительнейший Бен Элтон в этой книге. Удивительно даже, как это в романе не освещена тема пандемии, неужели трудно было поднажать и копнуть на пару месяцев вперед? Впрочем, свой доморощенный апокалипсис там тоже имеется (в качестве поучения), и, если вы соберете силы в кулак и до него дочитаете — настоящий конец света вам бу-

дет, вероятнее всего, нипочем.

В общем-то, книжка, конечно, ерундовая. Это даже не художественная литература, а такая не первого разбора журналистика — тот самый случай, когда под внешней актуальностью искать нечего. Но ведь с точки зрения истории литературы такие однодневки не менее интересны, особенно в силу своей мимолетности: сегодня они есть, а завтра их уже ищи-свищи. Но самое любопытное в данном случае — наблюдать за переводчицей Шаши Мартыновой, мастерством которой мы так восхищались, когда читали Джеймса Стivenза. Как тут не вспомнить резонный обычай сравнивать переводчиков с актерами! Проза высочайшего уровня, граничащая с поэзией, — в этом амплуа Мартынова поражает наше воображение. Когда же она пытается перевоплотиться в героя современного романа и современных реалий — обезьянопо-

добного типа с квадратной челюстью, изъясняющегося при помощи жаргона и мата (и еще время от времени такого страшного мата, что посреди строки вместо слов встопорщиваются многоточия) — тут она выглядит — во всяком случае, поначалу, — чертовски убедительно. То свернет какое-нибудь словцо, которому уже двести лет в обед. То с замиранием сердца бросится на аллитерацию — и вот в затхлом воздухе сериального полицейского участка расцветает какая-нибудь “година негодований”. За которой сразу же начинает поспешно и виновато стрекотать десятикратное “херня, блин”. Столько нервов с этими словами на “б” и на “х”, что не хватает времени спокойно перечитать свой текст и убрать очевидные шероховатости. Но потом, конечно, переводчица втягивается — и разыгрывает эту (не побоимся слова) драму XXI века на все ее маловыразительные голоса.